

РЕЦЕНЗИИ

«Тайны Русского каганата» и другие проблемы научной графомании (заметки по поводу работ Е.С. Галкиной)

Рецензия — далеко не самый благодарный жанр. О хорошей книге жаль портить впечатление невольно замеченными ошибками, оплошностями или недоработками, на плохую же просто не хочется тратить ни времени, ни эмоций. Гораздо удобнее выделять по-настоящему важные позитивные и негативные моменты уже в историографических обзорах или в конкретной работе, что автор и предпочитал делать до недавнего времени. Нарушить «политику невмешательства» заставило событие весьма экстраординарное, оказавшееся при более детальном рассмотрении лишь верхушкой айсберга проблем отечественной исторической науки. Впрочем, «рецензией» настоящую реакцию назвать трудно, учитывая, что речь пойдет в целом о деятельности «звезды интернета», «романиста» и «подпольщика-революционера от науки» в одном лице — Е.С. Галкиной, а точнее, о факторах, обеспечивающих «жизненную среду» для существования подобных «феноменов».

Признаюсь сразу — настоящий текст был написан давно, «по горячим следам» событий, но отложен «в стол» по причине отсутствия в нем какого-либо практического значения собственно для исторической науки. Но по прошествии нескольких лет пришлось с ужасом констатировать, что явление, о котором шла речь в рецензии, становится системным — оно динамично расширяется и разрастается метастазами, охватывая все новые и новые области. Непосредственно Е.С. Галкина — лишь повод для разговора, каждый же из исследователей наверняка сможет персонифицировать данный пример в виде более знакомых личностей и более «злободневного» произведения.

С творчеством Е.С. Галкиной впервые довелось столкнуться при рецензировании одной из кандидатских диссертаций, автор которой попытался оспаривать идеи, изложенные в книге Е.С. Галкиной *Тайны Русского каганата* (М.: Вече, 2002, 432 с.). Предъявленное для ознакомления откровенно аматорское научно-популярное издание, даже без намека на формальные признаки «научности» (т.е. научный редактор, рецензенты, учреждение), в характерном для дилетантов высокопарном стиле «громило» современные научные представления о Хазарии, салтово-маяцкой культуре и ранних фазах истории Руси в противостоянии с некой демонизированной «нормано-хазарской концепцией».

Смысл последней автор кратко определял как «норманизм и версию о господстве над югом Восточной Европы Хазарского каганата», которые, разумеется, «разбиваются при первом же серьезном взгляде на проблему». Дальнейшее вопрошание: «Но как же им удалось завладеть умами ученых?», плавно переводило текст в поиск врагов «истинной концепции», утверждавших неспособность славян к государственному строительству. Таковые в результате «расследования» в области историографии действительно «обнаружились» — это

«норманисты» и «хазарофилы», противостоящие «историкам патриотического направления». Правда, вместо традиционной «патриотической» риторики современных антинорманистов, в книге под влиянием славянофильской историографии XIX в. делалась очередная попытка реанимировать «сармато-аланскую» версию «южного» происхождения Руси.

Алгоритм поиска «Русского каганата» начинался стопами Б.А. Рыбакова и его разысканий о представлениях арабо-персидской географии о Восточной Европе. Особую ценность именно работ археолога Б.А. Рыбакова, в противовес «априорно норманистским» недавним востоковедческим работам по данной проблеме, «вызывающим скорее недоумение», придавали привлечение «археологических данных и исторической логики, чего так недостает большинству наших исследователей». Адресованное Б.А. Рыбакову замечание А.П. Новосельцева о необходимости анализировать источники в оригинале также парировалось с примечательным апломбом, значение которого станет понятным ниже: «Если исследователь не понимает эпохи, следует неверной методологии, рассматривает источник сам по себе, а не в контексте событий его времени, то даже знание сотни языков не поможет ему приблизиться к истине».

Вооружившись «исторической логикой» и «археологией», Е.С. Галкина произвела собственную ревизию восточных письменных данных о локализации русов IX–X вв., остановившись в результате на области Подонья. Но при взгляде на археологическую карту автора ожидал неприятный сюрприз — именно здесь располагались памятники салтово-маяцкой культурно-исторической общности (КИО), относимые археологами к Северо-Западной Хазарии. Впрочем, и эта проблема с легкостью пала под напором пера отважного борца с историческими мифами. И «миф о Великой Хазарии», и «миф о хазарской салтовской культуре», развенчивались на этот раз не менее пафосным «доказательством» профессиональной несостоятельности всех археологов-салтоведов.

Единственным «светлым пятном» историографии, разумеется, опять выступил Б.А. Рыбаков, но и ему, по мнению автора, не хватило фантазии «предложить взамен хазарской теории менее спорную концепцию». Таковой Е.С. Галкина сочла лишь тезисное предположение археолога Д.Т. Березовца о принадлежности названия «русов» во главе с хаканом именно населению салтовской КИО. Собственно аргументацию Д.Т. Березовца автор тоже сочла вздорной, «но все-таки главный шаг был сделан — лесостепь салтовской культуры и этноним „рус“ соединились». Обсуждать что-либо дальше после такого торжественного момента, вероятно, было бы кощунством, поэтому характеристику образованного «Русского каганата» Е.С. Галкина банально заменила не вполне грамотной компиляцией сведений о населении салтовской КИО из археологических работ.

Только после этого на помощь была призвана древняя «роксолано-аорская» гипотеза происхождения этнонима «русь», разбавленная вновь «историко-археологическими» воззрениями автора о Восточной Европе I тыс. н.э. Но если подобными версиями историография пестрела и раньше, любопытство вызывал только один вопрос: как же автор выкрутится, чтобы все же связать «салтовских русов» с самой Русью?

Поворот, действительно, оказался интригующим. Е.С. Галкина «обнаружила» не замеченный археологами разгром салтовской культуры сер. IX в. союзниками хазар венграми, после чего направила остатки «Русского каганата»... в Прибалтику. «Убийственный» для норманизма источник обнаружился в трудах М.В. Ломоносова, писавшего о том, что «аланы были смешаны с курляндцами». Добавив сюда иранскую этимологию «русских» названий порогов у Костантина Багрянородного, предложенную археологом М.Ю. Брайчевским, автор, разумеется, сделала «предельно ясным» аланское происхождение Руси. Правда, так последовательно поощряя археологов в областях разысканий о письменных источниках и лингвистике, их собственно археологическим выкладкам Е.С. Галкина не менее последовательно не доверилась и тут: «Определить же, как и откуда вернулась в Поднепровье русская элита, пока археологии не под силу»!

Осталось также загадкой, поняла ли сама автор, что так яростно защищая славян от «народов господ» — норманов и хазар, она не только не доказала существование собственно восточнославянской государственной традиции, но и создала собственный «народ господ» — «алан-русов»?

Как это ни странно прозвучит, но столь экстравагантная работа Е.С. Галкиной именно в тот момент показалась ничем не примечательной — о древних славянах или скифах подобных любительских книг накопилось уже сотни, почему бы и хазарской и раннедревнерусской тематике не разделить печальную сторону популярности темы? Соискатель закономерно получил замечание за использование «ненаучной» литературы, но история на этом, к сожалению, не закончилась. Идеи Е.С. Галкиной перекочевали в бездонное море интернета, а сама автор с завидной постоянностью радовала своих виртуальных поклонников порцией новых «опровержений», становившихся, к тому же, все более «начитанными». Наконец, несколько лет спустя в руки попала уже вполне наукообразная по форме статья Е.С. Галкиной, которая заставила поинтересоваться у московских коллег, не имела ли она какое-либо отношение к научным организациям? Ответ задержался ещё на несколько лет, но превзошел все возможные ожидания.

Научный мир тесен. Специалистов в каждой теме немного, поэтому естественная необходимость научного обмена и общения заставляет искать контакты с коллегами, обмениваться новыми материалами, литературой и отслеживать даже случайные имена и работы. Но когда коллеги из Института археологии РАН спустя полтора года после защиты передали украинским хазароведам копию автореферата диссертации на соискание степени доктора исторических наук (!) по специальности «отечественная история» той самой Е.С. Галкиной с очередным парадоксальным названием *Кочевая периферия восточных славян и Древней Руси: этносоциальные процессы и политогенез* (Москва, 2006), это событие стало настоящим сюрпризом.

Автореферат свидетельствовал, что работа выполнена на кафедре истории факультета социологии, экономики и права Московского педагогического государственного университета. Фамилии научных консультантов и оппонентов, к сожалению, ничего не скажут исследователю раннесредневековых номадов, равно как и ведущая организация — Российский университет дружбы народов.

Внимание же русистов привлечет лишь имя главного научного консультанта, личности весьма неординарной — А.Г. Кузьмина. «Докторский» список публикаций в качестве монографии включал все те же *Тайны Русского каганата*, а в списке научных статей по теме диссертации красовались не только экзотические статьи «Катар» и «Оман» из учебника по истории Азии и Африки или заметки из популярной энциклопедии, но и, пожалуй, даже более экстравагантные для авторефератов статьи из *Нашего современника* и *Роман-журнала XXI век*. Но судя по тому, что диссертация была успешно защищена, эти удивительные подробности ничуть не смутили ВАК Российской Федерации и совет по защите МПГУ. Оставалось только предполагать, что у автора, незаметно для номадистов и русистов завершившего путь от первой публикации до докторской степени всего за 9 лет, в активе содержалось серьёзное открытие, сравнимое с расшифровкой клинописи или письменности майя, на фоне которого вся экстравагантность могла быть благосклонно прощенной.

Судя по автореферату, в качестве диссертации была предъявлена книга с более соответствующим содержанию названием: Галкина Е.С. *Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.)*. М.: Прометей, 2006, 564 с. Причем, переоформляя книгу в диссертацию, автора ничуть не смутило начать повествование о «периферии восточных славян и Руси» с миграции сарматов в Европу. Отличается диссертация от книги также и введением, в котором, согласно формальным требованиям к диссертационному исследованию, Е.С. Галкина вынужденно кратко излагает основные тенденции историографии в изучении общих закономерностей этнического и социально-политического развития кочевых обществ. В книге этот «балласт» с легкостью отброшен, и автор с места в карьер начинает «решать» все проблемы истории и археологии кочевых народов Восточной Европы от сарматов до печенегов (с III в. до н.э. до X в. н.э.).

Увы, открытия, сравнимого с расшифровкой клинописи, в книге мы так и не обнаружим. Е.С. Галкина пошла более простым экстенсивным путем расширения хронологии и географии исследования, существенно переписав и дополнив уже знакомые нам *Тайны Русского каганата* за счет «ранних» разделов. Из текста, правда, исчезла «патриотическая» риторика, но не риторика как таковая — апломб и амбиции автора только выросли пропорционально размеру книги.

Первые её два раздела откровенно компилятивны, но стиль этой компиляции очень необычен для представителя преподавательского корпуса. Автор напряженно пытается изложить в ограниченном объеме текста именно свое видение истории и археологии сарматов, алан, готов, гуннов, болгар, авар, тюрков, древних славян, делая это в характерной остро дискуссионной манере, вместо анализа историографии и выделения основных направлений, с «профессорской небрежностью» раздавая оплеухи ведущим специалистам в каждой из затронутой областей. Но ещё более пугающим по сравнению со стилем изложения выглядит его фактическое содержание. Отбор литературы совершенно хаотичен: автору не известен или она намеренно не использует целый ряд ключевых обобщающих работ, зато постоянно мелькают ссылки на тезисы и на статьи, разбирающие частные вопросы; очень фрагментарно представлены новейшие

исследования; зарубежные издания практически проигнорированы, но, что удивительно, ещё более серьёзные пробои в книге с несомненно доступной автору украинской литературой.

Отсутствие системных знаний приводит к невозможности правильно выделить главные историографические линии и, как одно из следствий, к характерному для дилетантов отбору наиболее неординарных, резких и рискованных мнений, из которых автор и строит «собственное видение». На ходу придумываются новые «проблемы», а давно решенные неожиданно оказываются «неисследованными», поскольку автору попросту не известны соответствующие работы. Взгляды ведущих специалистов зачастую «опровергаются» ссылками на гипотезы любителей или же на предположения специалистов из других областей, выводы новейших работ — мнениями полувековой давности. Многие ссылки удивляют отсутствием какой-либо связи с предложением, но это в лучшем случае — в худшем исследователям просто приписываются ошибочные или же совершенно нелепые утверждения. Неспособность Е.С. Галкиной к внимательному чтению иллюстрируется и просто невероятным количеством фактических ошибок, перечисление и разъяснение которых заняло бы больше объема, чем сам рецензируемый текст!

Если после первого раздела рецензент ещё будет полон решимости писать полноценную «разгромную» рецензию, то уже после второго несомненно поймет полную утопичность такой затеи, а после третьего просто обессиленно опустит руки. Но после четвертого и пятого разделов, где автор, наконец почувствовав себя «в своей тарелке» и перейдя к любимой проблеме «Русского каганата» в салтовской культуре, накрывает читателя очередным «девятым валом» фактологической безграмотности, необходимость хоть какой-то реакции становится неотвратимо очевидной. Ведь новоиспеченный «доктор исторических наук», несомненно претендующий или уже получивший ещё и звание «профессора» одного из главных педагогических вузов России, автор «научных» монографий, учебников и хрестоматий для школы и вузов, увы, в сознании неискушенного читателя начинает репрезентировать уже не «паранормальную», а именно «нормальную» науку, более того, имея теперь все возможности воспитать целую «школу» продолжателей А.Г. Кузьмина. И что самое парадоксальное, как довелось неоднократно выслушать, «виновниками» этого в глазах коллег оказываются именно специалисты по раннедревнерусской и хазарской проблематике, не желающие тратить время и нервы на подобные «феномены»!

Проблема конкретной диссертации и книги Е.С. Галкиной состоит не только в самонадеянной попытке «кавалерийским наскоком» разобраться в нескольких десятках сложнейших проблем, над каждой (!) из которой работают целые группы специалистов. Она лежит гораздо глубже и заключается, прежде всего, в методологических аспектах. Если в *Тайнах Русского каганата* автор заявляла, что «единственной методологией историка была и остается диалектика, а точнее — диалектический материализм», то в автореферате докторской диссертации акцент несколько смещен: «Базой для выработки методологии и методики исследования послужили историософские и теоретические работы отечествен-

ных и зарубежных философов, этнологов и специалистов в области социальной антропологии, историков, археологов». Так что же перед нами: историософия или наука?

Похоже, для автора это диалектически единые понятия, поскольку после объяснения «историософской методологии» и очередных размышлений о «диамате», неожиданно находим вполне «научную» декларацию «комплексного подхода, который заключается в широком использовании всех данных об историческом явлении, в том числе письменных источников, археологических материалов, данных вспомогательных исторических дисциплин, лингвистики, этнографии, палеоантропологии». Все выглядит внешне правильно, пока автор не пытается дать разъяснения: «данные археологии используются «на стыке наук», т.е. на основании опубликованных материалов, прошедших через значительный объем «внутренних» исследований, проведенных специалистами-археологами, в результате которых первичные наблюдения археологических памятников становятся непосредственно источником фактов». Следует полагать, что аналогичным образом Е.С. Галкина собралась добывать «факты» и из других исторических дисциплин.

Проблема «факта» в теории археологии — одна из сложнейших. Археологическое исследование последовательно проходит целый ряд процедур, каждая из которых сопряжена с правильным использованием соответствующего набора методов. Раскопки, фиксация, составление отчета — эти этапы определяют достоверность археологического комплекса как источника; группировка артефактов и комплексов, их интерпретация, датировка, определение культурной принадлежности — следующий, аналитический этап исследования; этнические же, социальные, исторические и т.п. реконструкции — заключительная, преимущественно гипотетическая и, как это не парадоксально звучит для историка, наименее значимая часть археологического исследования.

Причина последнего состоит не только в очень высокой доли реконструкции в выводах, но также и самом характере археологии как постоянно динамично развивающейся науки. Накопление новых данных, новых методов исследования делают любые аналитические работы устаревшими уже через 20–30 лет, а нуждающимися в значительных корректировках — уже через 5–10 лет. Этот естественный процесс заставляет многих археологов ограничиваться только наиболее важными процедурными моментами первичной атрибуции памятников, уделяя максимальное внимание корректности формирования базы археологических данных. На выходе, доступная для чтения историку «обобщающая» археологическая литература пестрит аналитическими конструкциями, авторскими реконструкциями и, в противовес, скептическими замечаниями.

Е.С. Галкина — конечно, крайний вариант примера, но и многие более взвешенные историки часто не могут избежать соблазна в этой ситуации выступить к качеству «судьи» при разборе мнений археологов или вообще предложить свой вариант решения. И только у самодостаточных историков-источниковедов заметна «граница благоразумия», позволяющая не касаться напрямую самого археологического материала и не строить на нем собственных выводов. Научная гипотеза не может быть построена на гипотезах!

Акцентировать внимание на явных фактических ошибках Е.С. Галкиной нет особого смысла — их легко заметят специалисты и даже просто внимательные читатели. Полезнее будет показать несколько примеров-моделей, казалось бы, совершенно «безобидных» ситуаций, которые могут послужить предостережением и другим историкам.

В 1986 г. в Москве произошла защита докторской диссертации Л.М. Рутковской, одним из главных тезисов которой была аргументация существования «центра оседлости» кочевников в Среднем Поднепровье в III–VIII вв. Публикации материала и аналитические статьи исследователя не блистали эрудицией, но и не вызывали подозрений. Вызывало удивление только странное избегание использовать материалы Л.М. Рутковской наиболее, казалось бы, заинтересованными в них украинскими специалистами. Ответ лежал в полевой отчетной документации Л.М. Рутковской, которая свидетельствовала, что «аланские» и «гуннские» элементы в культуре «ключевого» черняховского поселения Капуловка появились на самом деле вследствие сбора из размывов водохранилища материалов разрушенного курганного могильника, совершенно непонятным образом отнесенных в интерпретации к слою поселения. Абсолютное непонимание особенностей фиксации раскопок в различных условиях лежит и в основе интерпретации Л.М. Рутковской размывных котлованов славянских жилищ поселения Стецовка как «юртообразных», которую повторяет Е.С. Галкина. Интересно, какие ещё «факты» сможет извлечь из подобных работ «специалистов-археологов» неподготовленный читатель?

Обратным примером может быть концепция «пастырской культуры» одной из самых влиятельных фигур в советской археологии XX в. — М.И. Артамонова, к слову, достаточно популярная в различных вариациях и сегодня. Е.С. Галкина полностью повторяет и идею о салтовских истоках пастырской гончарной посуды, и мнение о синхронности городища пеньковской культуре, отбрасывая работы основного исследователя проблемы О.М. Приходнюка. Апеллировать к статусу «классика» М.И. Артамонова именно здесь оказывается совершенно неуместным, поскольку исследователь никогда в реальности не видел ни материалов Пастырского, ни пеньковской культуры, родив классическую «гипотезу у письменного стола». Дискуссию с последователями М.И. Артамонова собственно «дискуссией» назвать сложно — это скорее попытки отвести научные ошибки, которые загадочным образом каждый раз рождают новые «модификации» и, опять-таки, без непосредственной опоры на материал.

Третий пример — новая концепция «гунно-сарматской культуры» Южного Приуралья С.Г. Боталова и С.Г. Гуцалова, которую немедленно подняла на щит Е.С. Галкина как одну из основных моделей этнокультурной характеристики гуннских племен Европы. Интересная, но достаточно рискованная концепция к моменту выхода книги Е.С. Галкиной ещё не прошла никакой серьёзной апробации. А уже после публикации, в № 3 *Российской археологии* за 2007 г., подверглась шквальной атаке сарматологов. Не факт, что все положения концепции С.Г. Боталова и С.Г. Гуцалова будут опровергнуты, дальнейшая дискуссия отсечет «рациональное зерно». Но ведь Е.С. Галкина успела построить на её ос-

новании, как на «факте», свою собственную модель миграции гуннов в Европу, вынесенную как один из краеугольных камней докторской диссертации!

И, наконец, последний пример. Е.С. Галкина потратила немало времени на чтение археологической литературы по проблеме салтово-маяцкой культуры Подонья и, судя по бесцеремонному тону суждений, даже сочла себя самым информированным «специалистом». Боюсь, что студента-дипломника с подобным списком литературы по теме пришлось бы отправить назад в библиотеку, но даже прочти он все имеющиеся публикации, полученное «печатное» представление о салтово-маяцкой культуре будет весьма и весьма приблизительным. Реалии выглядят разочаровывающее для историка — нет ни одного (!) крупного салтовского памятника Подонья, полностью, до последнего артефакта, введенного в научный оборот публикациями. Более того, соотношение опубликованного и неопубликованного материала явно на стороне последнего. Совсем плачевная ситуация в книге Е.С. Галкиной и со знакомством с кочевническими комплексами Восточной Европы VI–IX вв.

Чтобы понять значение этого факта, достаточно для примера представить ситуацию формирования научного представления о летописях только лишь на основании летописных цитат из работ классиков! Каким образом к информации имеют доступ археологи? Это, прежде всего, архивы научных отчетов академических институтов Киева (ИА НАНУ), Москвы (ИА РАН) и Санкт-Петербурга (ИИМК РАН), а также непосредственно коллекции археологических материалов, находящиеся в нескольких десятках городов. Разумеется, значительная часть информации остается недоступной даже для самых крупных специалистов, вследствие чего без научных контактов и неформального научного обмена представить полную картину салтово-маяцкой проблематики (как, впрочем, и большинства других проблем археологии) просто невозможно.

Приведенные выше четыре модели ошибок: «специалист-дилетант», «магия имени», «идея без апробации» и «знание вне книги», способны в общих чертах описать лишь некоторые опасности, подстерегающие историка при чтении археологической литературы. В большинстве же случаев ошибочные заключения делаются как историками, так и археологами, при обычном нарушении иерархии признаков в анализе.

Читая «археологические» пассажи книги Е.С. Галкиной, вновь вспоминается первое занятие по логике, когда для иллюстрации нарушения правила достаточного основания преподаватель предложил «логическую» цепочку: «Сократ смертен; кот тоже смертен, следовательно, Сократ — кот». Увы, археология сталкивается с огромным количеством признаков, используемых в анализе, и построение их иерархии — постоянный процесс прогресса науки, достигаемый множеством конкретно-предметных дискуссий. Полноценно следить за этим процессом, а тем более участвовать в нем, могут лишь специалисты в каждой конкретной узкой области, попытки же вмешаться коллег из «соседних областей» обычно приводят только к продуцированию слабых или ошибочных гипотез.

Читатель вправе спросить: зачем столько внимания уделено вопросу использования археологической литературы историками, если и так заведомо ясно, что

Е.С. Галкина не в состоянии конкурировать с археологами в знании и понимании археологического материала? Да проблема как раз и состоит в том, что из пяти глав книги и семи разделов докторской диссертации лишь одна глава и раздел соответственно посвящены собственно анализу письменных источников, остальные же наполнены безобразно скомпилированными сюжетами из археологических работ и обобщающих исторических!

Этот единственный раздел, посвященный сведениям арабо-персидской географической литературы о Восточной Европе VIII–XII вв., в автореферате максимально подчеркнут как авторский вклад, и, следует полагать, именно в нем и сокрыт тот самый «докторский» вклад Е.С. Галкиной в историческую науку. Но... не будем спешить с такой оценкой.

В 2001 г. Е.С. Галкина защитила кандидатскую диссертацию *Русский каганат и салтовская культура*, почти полностью включенную в уже упоминавшуюся книгу *Тайны Русского каганата* (2002). В 2003 г. востоковед И.Г. Коновалова отреагировала на *Тайны Русского каганата* иронической газетной рецензией, порекомендовав молодому автору между прочим читать источники в оригинале и научиться азам их научной критики. Судя по результатам, именно в этом направлении и работала последующие три года Е.С. Галкина. Список использованных источников резко увеличился, в т. ч. и за счёт арабоязычных текстов. Поразительный скачок с нуля всего за несколько лет!

Оценить качество анализа письменных источников Е.С. Галкиной мы предоставим востоковедам, отметить же следует другое. Только в России, не считая других стран, школа исследования арабо-персидской географической книжной традиции о Восточной Европе насчитывает более полутора столетия истории. Книге Е.С. Галкиной предшествовали классические работы Б.Н. Заходера, А.П. Ковалевского, А.П. Новосельцева, в настоящее время этими же проблемами активно занимаются Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова и др. Что же кардинально нового внесла в проблему Е.С. Галкина по сравнению с предшественниками? Первое, что бросается в глаза — археологические данные! Каждый раз, когда локализация тех или иных географических ориентиров источника проблематична, Е.С. Галкина обращается не к источнику, а к своим «археологическим» представлениям о расселении народов. Поначалу скромно, но когда дело доходит до «русских» сюжетов, письменные источники начинают объясняться целиком через призму весьма специфических «археологических» наблюдений автора.

Интересно, что если в *Тайнах Русского каганата*, а следовательно, и в кандидатской диссертации, Е.С. Галкина акцентировала внимание на «убедительной» локализации «Русского каганата» в лесостепном Подонье именно на основании письменных источников, в докторской акцент плавно меняется, и уже археологические данные якобы неопровержимо свидетельствуют о «русско-асской» принадлежности салтовских памятников лесостепного Подонья. Не менее остроумный «финт» нас ожидает и на самом щекотливом месте о миграции «алано-русов» в Прибалтику. Вместо ожидаемых новостей о результатах поиска загадочного источника М.В. Ломоносова об «алано-курляндцах», автор прос-

то отправляет читателя назад к *Тайнам Русского каганата*, где, разумеется, все давно уже установлено.

Несмотря на частоту упоминания слов «русы» и «русский», классифицировать творчество Е.С. Галкиной как «русистику» весьма сложно. В хаотическом наборе сюжетов об ираноязычных и тюркоязычных номадах, германцах, славянах и т.д. довольно трудно уловить и саму базовую линию дедуктивного конструкта Е.С. Галкиной. Единственное, что может реально ощутить читатель — это искреннюю гордость автора за отождествление «Русского каганата» с археологическими памятниками салтовской КИО, уверенность в истинности которого подогревается полным отсутствием какой-либо реакции со стороны археологов на столь «выдающееся открытие».

Салтовская и хазароведческая проблематика в целом в настоящее время действительно переживают острые проблемы: это смена поколений и переход источниковой базы на новый количественный и качественный уровень. Кропотливая работа по введению в научный оборот огромного массива археологического материала, полученного раскопками второй половины XX в., ещё только начата, и до её завершения ни один серьезный исследователь не рискнет строить новые обобщающие модели. Образовавшийся «вакуум» стремятся мозаично заполнить в основном молодые исследователи-археологи, но, одновременно, он со стремительной силой привлекает внимание историков.

На попроще синтеза археологии и истории в отношении лесостепного варианта салтовской КИО Е.С. Галкина далеко не одинока, хотя работы своих «главных конкурентов» — О.Б. Бубенка и А.А. Тортики использует минимально или вообще не знает, впрочем, как и последние не замечают существования Е.С. Галкиной. Все трое практически синхронно в 2006–2007 гг. выпустили монографии и защитили докторские диссертации. Результат, правда, обескураживающий неискушенного читателя: в видении О.Б. Бубенка лесостепное Подонье — это «аланы-буртасы» в составе Хазарского каганата, у Е.С. Галкиной — это независимый аланский «Русский каганат», а у А.А. Тортики — полиэтничная «северо-западная Хазария» с преобладанием «праболгарского» этнического элемента. Можно, конечно, много говорить о толерантности гуманитарной науки и исторической в частности, но, кажется, по законам логики, из трех взаимоисключающих мнений может быть правильным либо одно, либо ошибочны все три!

Почему именно хазарская и раннесредневековая кочевническая проблематика так привлекает «синтезаторов»? Как уже неоднократно приходилось подчеркивать, наиболее вероятный «корень проблемы» ведет к действительно капитальной для своего времени монографии археолога М.И. Артамонова *История хазар* (1962), впервые предложившей комплексный анализ письменных и археологических источников (применявшийся до этого только представителями «греко-римской» археологии) в исследовании раннесредневековых номадов Восточной Европы. С.А. Плетнева в рецензии на книгу справедливо заметила, что все письменные источники использованы исследователем только в переводах, но для «хазарской» тематики это оправдывалось невозможностью для историка охватить в оригиналах весь спектр источников на арабском, персидском, гре-

ческом, армянском, грузинском, еврейском, сирийском, латинском, китайском, тюркских языках. Параллельно в славяно-русской тематике комплексный подход практиковал Б.А. Рыбаков — ещё одна важнейшая фигура отечественной археологии XX в. Следующий шаг совершил ученик и друг М.И. Артамонова — историк Л.Н. Гумилев. Наделенный несомненным литературным талантом, но не лингвистическими способностями, Л.Н. Гумилев избрал для исторического изложения легкий лекционный стиль профессоров XIX в., не перегруженный ни дискуссиями, ни цитированием источников, привлекающий читателя авторским оригинальным видением проблем, бесцеремонной уверенностью во всем, но не представляющим никакого анализа. И, разумеется, опять никаких источников в оригинале!

М.И. Артамонов, Б.А. Рыбаков и целый ряд других ярких исследователей сер. XX в. оказали серьёзное влияние на все последующие поколения археологов, воспринявших как норму обязательное сопровождение выводов археологического исследования анализом письменных источников. В полной мере это касается и автора настоящих строк, слишком часто злоупотребляющего подобными историческими сюжетами. Но если в археологии письменные данные воспринимались лишь как дополнение к собственно археологическому анализу, сохраняя в любом случае опору на археологические источники (и горе переходящему эту границу!), «школа Л.Н. Гумилева» породила целую «плеяду» историков (преимущественно преподавателей вузов), сконцентрировавшихся на описании этнополитических, социальных, культурных и т.п. общих аспектах, и полностью оставивших изучение самих источников «источниковедам». Задачи подобных работ обычно предполагают «реконструировать», «смоделировать», «предложить новый авторский взгляд», «опровергнуть схемы» и т.д. От мысли объявить все «дедуктивные» теоретические исследования пустой тратой времени, я, разумеется, далек, но все же позволю себе усомниться в практической ценности работ авторов, не прошедших на практике серьёзной школы эмпирических исследований, не понявших ни самого источника, ни его эпохи «изнутри». Ведь какая бы ни была яркая и красивая упаковка у пластикового яблока — съесть его все равно невозможно!

Настоящий герой нашего очерка многолик и имеет множество имен, а его послужной список часто украшают должности и звания. Пожалуй, одна из главных причин спокойной жизни подобных «синтезаторов» — это равнодушие к ним специалистов-источниковедов, готовых подчас высечь коллегу лишь за неверно поставленную запятую, но не находящих для себя равным счетом никакого предмета для анализа в высокопарных «синтезных» работах. Ответственны ли мы за такое равнодушие в условиях, когда именно «синтезаторы» активно формируют представления общества о нашем предмете через систему образования, популярные издания, телевидение, интернет? Боюсь, что да. И дело ведь не в войне с «ветряными мельницами» — иногда просто стоит проявить принципиальность там, где хочется побережь нервы...

Алексей Комар